

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

И.М. ПОПОВА

ПОВСЕДНЕВНЫЕ ИДЕОЛОГИИ

Понятие идеологии

Идеология не ограничивается концепциями, создаваемыми интеллектуалами, и охватывает различные сферы общественного и индивидуального сознания – “от научного знания до религии и повседневных представлений о надлежащем поведении вне зависимости от того, истинны эти представления или ложны” [1, с. 98]. В этом определении особое значение имеет то обстоятельство, что речь идет о надлежащем поведении, независимо от того, имеют ли идеологии повседневный характер, привнесены ли религией, либо являют собой трансформацию научных знаний в “программу поведения”. Следуя взглядам К. Манхейма, П. Бергер и Т. Лукман полагают, что влиянию идеологического контекста подвержено все человеческое мышление, за исключением математики и некоторых областей естествознания [2, с. 22]. Свообразие и характер структуры сознания, ее зависимость от определенной “социальной сферы” характеризует, по мнению К. Манхейма, идеологичность человеческого мышления, которая не рассматривается как неправда, ложь и т. д. [3, с. 73]. Идеологичность определена оценочно-ориентирующей функцией сознания, которая направлена либо на сохранение действительности (в терминологии Манхейма, собственно “идеология”), либо на ее изменение (утопия).

Особое место в понимании природы идеологии занимает марксистская концепция взаимосвязи идей и интересов. Принципиальным для понимания идеологии имеет понятие ложного сознания, сознания, которое приписывает себе “самодостаточность” и всеобщность. Именно мнимой “самодостаточностью” и кажущейся всеобщностью определяется, по мнению К. Маркса и Ф. Энгельса, иллюзорность идеологических представлений. “Идеология, – пишет Ф. Энгельс в письме к Ф. Мерингу, – это процесс, который совершает так называемый мыслитель, хотя и с сознанием, но с сознанием ложным. Истинные движущие силы, которые побуждают его к деятельности, остаются

Попова Ирина Марковна – доктор философских наук, профессор Одесского государственного университета. Адрес: 270044 Одесса-44, проспект Гагарина, ба, кв. 4. Телефон: (8-48-2)-22-54-40; (8-48-2)-64-84-67. Электронная почта: irina@dli.intes.odessa.ru

ему неизвестными, в противном случае это не было бы идеологическим процессом" [4, с. 83]. Аналогичную мысль формулирует Н. Луман. "Опора всякой идеологии, — пишет он, — состоит прежде всего в некоммуницированности проблемы, с которой идеология связана, в зашифровке того, что ее вдохновляет, в невидимости ее исходного пункта" [5, с. 199]. Необходимость выдать частный интерес за всеобщий, использование для этого "идеализированных" фраз и представлений обусловлены основной функцией идеологии — консолидировать и направлять поведение социальных общностей. В современной социологии знания преодолевается односторонность марксовской концепции, в которой не подвергается сомнению обусловленность идеологии интересами классов, а также необходимость "мыслителей", "идеологов", выполняющих специализированную функцию воспроизводства иллюзий класса о самом себе. Маркс и Энгельс не связывали понятие идеологии с интересами пролетариата, ибо последний, как они считали, не нуждался в иллюзиях. Не называли они идеологией и коммунистическую доктрину, которая, по их мнению, была "лишь общим выражением действительных отношений проходящей классово борьбы, выражением совершающегося на наших глазах исторического движения" [6, с. 438]. Классики марксизма оказались неспособны подвести свою собственную позицию под понятие идеологии. В еще большей степени эта неспособность выразилась в официальных и радикальных версиях марксизма. Тем не менее, общесоциологическое содержание марксистского понимания идеологии позволяет объяснить процессы, происходящие в общественном сознании, в контексте объективных социальных изменений.

Идеологичность повседневного сознания и проблема легитимации

Идеи становятся материальной силой, когда они овладевают массами. Обычно имеется в виду материальная сила теории. В то же время неправомерно постулировать "нетеоретичность" обыденного сознания и сводить его к общественной психологии. Маркс, считавший, что идеология создается "мыслителями" класса, не отрицал того факта, что "на основе материальных условий и общественных отношений" весь класс творит не только своеобразные чувства и иллюзии, но и образы мысли и мировоззрения [7, с. 145]. В современной социальной феноменологии показано, что регуляция поведения осуществляется с помощью "повседневных теорий", концептуализирующих ценности и интересы. При этом усвоение теории в повседневной жизни "начинается уже в практике приспособления поведения к внешним требованиям культурной формы и носит характер постепенного разъяснения, понимания и уточнения смысла символических аспектов поведения", — пишет Л.Г. Ионин [8, с. 221].

Сходство "повседневной" идеологии и идеологии "специализированной" состоит в том, что и та, и другая используют механизмы легитимации. М. Вебер понимал легитимацию не только как "законность" власти, но и как веру в ее законность, обусловленную представлением о ее ценности. Под легитимацией понимается объяснение и оправдание институционального порядка, придание ему ценностно-нормативного характера. При этом леги-

тимация связана не только с ценностями, но и “знанием” [2, с. 153]. Легитимация, осуществляемая повседневным сознанием, предполагает определенное теоретизирование, которое обращено к ценностным представлениям, а “знания”, используемые при легитимации, имеют мотивирующий характер. Легитимация как раз направлена на то, чтобы частный интерес выглядел как общий, в той или иной степени массовый. “Например, расовое мифотворчество американского Юга, – пишет П. Бергер, – служит легитимации социальной системы, в которую входят миллионы людей. Идеология “свободного предпринимательства” способствует маскировке монопольно действующих крупных корпораций, у которых если и осталось что-то общее с предпринимателями старого образца, так это постоянная готовность надуть своих сограждан” [9, с. 174]. Легитимация массовым сознанием каких-либо институциональных порядков не сводится к простому повиновению. Легитимность порядка – это авторитетность, вера в его правомерность и справедливость, что, в свою очередь, предполагает абстрактные представления о правомерности и справедливости.

П. Бергер и Т. Лукман выделяют четыре уровня легитимации. Первый уровень – дотеоретический – включает простые обозначения языка, устанавливающие статусные позиции. Второй уровень содержит уже теоретические утверждения, хотя и в зачаточной форме. К ним относятся различные объяснительные схемы, которые непосредственно связаны с конкретными действиями, в частности моральные максимы, сказки, легенды и другие способы интерпретации жизненного мира [2, с. 155]. На третьем уровне легитимация становится специализированной, выходит за пределы практического применения и становится “чистой теорией” [2, с. 156]. “Четвертый уровень легитимации, по Бергеру и Лукману, составляют символические универсумы, ... имеющие отношение к реальностям, отличным от реальностей повседневной жизни” [2, с. 157].

Можно ли считать, что “повседневные теории” тождественны по своему содержанию специализированным теориям? Например, можно ли считать, что “символические универсумы” вообще не функционируют в повседневном сознании? В рамках исторической антропологии убедительно доказана относительная самостоятельность двух идеологий – “писанной”, творимой интеллигенцией, и “неписанной”, имеющей хождение в массах. Е.М. Штаерман показала сходство образов, содержащихся в сочинениях философов первых двух веков Римской империи и в эпитафиях “маленьких людей”, объясняет это сходством “умонастроения”, типичного для Рима этого периода [10]. А.Б. Ковельман, решавший проблему взаимоотношения “культуры масс” и “культуры верхов” в птолемеевском Египте, считал, что то и другое (несмотря на их противоположность) объединяет риторический стиль. “Синтез философии с риторикой, – пишет он, – пропитывает и христианскую проповедь и стоическую диатрибу. Вторая софистика создает язык элиты, а говорят на нем массы” [11]. Аналогичную проблему ставит А.Я. Гуревич, характеризуя средневековую народную культуру: “Великий немой”, “великий отсутствующий”, “люди без архивов и без лиц” – так именуют современные историки народ, когда для него был закрыт непосредственный доступ к средствам письменной фиксации культурных ценностей” [12, с. 8]. А.Я. Гуревич отме-

чает, что не только язык, но и содержание литургических текстов “приноравливалось” к сознанию паствы, актуализируя определенный пласт идей и представлений. Таким образом формируется культурно-идеологический комплекс, который А.Я. Гуревич называет “приходским католицизмом” [12, с. 24].

“Культурно-идеологический комплекс”, характеризующий массовое сознание советского периода, изучен недостаточно. Хотя “советский человек” остался “немым” не в меньшей степени, чем человек Средневековья, нет оснований отождествлять официальную коммунистическую идеологию с тем комплексом идей, которые разделялись “народом” и определяли поведение большинства населения. Идеологию “советского человека” нельзя считать лишь примитивизированной марксистско-ленинской идеологией. Проблема двух культур и идеологий решается в данном случае как проблема “двомыслия”, несоответствия официального и “приватного”, которому были подвержены и “верхи”, и “низы” советского общества. При этом “широко понимаемая двойственность, бинарность нормативно-ценностных регуляторов может считаться свойством любых социо-культурных систем и эпох” [13, с. 15]. Ю.А. Левада считает, что именно в советском обществе двоемыслие становится тотальным, ничем не ограниченным, хотя в первую очередь “школу двоемыслия” проходили элитарные слои [там же].

Социальные представления как компоненты повседневной идеологии

Социальные представления можно определить как когниции, характеризующиеся синкретичностью и многообразием своих функций – познавательных, объясняющих, ориентирующих и других. “Под термином “когниция”, – писал Л. Фестингер, – я подразумеваю любое знание, мнение, убеждение, относящееся к окружению, кому-либо или чьему-либо поведению” [14, с. 99]. Для обозначения когнитивных компонентов обыденного сознания используется также понятие “belief”, переводящееся как “вера”, “убеждение”, “мнение”, “верование”. Глагол “believe” означает не только “верить” и “придавать большое значение”, но и “думать”, “полагать”. О.Р. Лычковская считает, что социальные представления и beliefs могут означать не только мнения и верования, но и научные знания, особым образом трансформированные обыденным сознанием, а также утверждения, основанные на эмпирических наблюдениях и логике [15]. Социальные представления и “beliefs” как когнитивные компоненты обыденного сознания не являются исключительно эмоциональными образами социального мира, а представляют собой субъективные конструкции, направленные на рационализацию и объяснение действительности. Именно эти конструкции образуют “повседневную идеологию” и обеспечивают выполнение обыденным сознанием идеологических функций. Совокупность представлений, образующих такую идеологию, является относительно целостной системой субъективных конструкций, характеризующейся большей или меньшей степенью устойчивостью. М. Роквич утверждает, что верования (beliefs) относительно истинности и ложности образуют структурированную систему, свойства которой могут быть описаны и измерены. Положение различных типов верований в

системе представлений определяется тем, находятся ли они в центре или на периферии этой системы. “Верования варьируют вдоль центрально-периферийного измерения”, – пишет М. Рокич [16, с. 3]. Чем ближе к центру системы расположены верования, тем они более важны для личности и тем в большей степени они сопротивляются изменению. При этом центральные верования играют определяющую роль в самоидентификации, самооценке личности, формировании концепции “Я” и Я-образа [16, с. 4]. Центральное место в этой системе, по мнению Рокича, принадлежит “основным”, “первичным” верованиям (primitive beliefs), которые приобретаются в процессе непосредственного столкновения с объектом (тип А). Верования типа А обычно подкрепляются и усиливаются социальным консенсусом. Отсутствие подкрепления ведет к потере самоидентификации и, в конечном счете, перестройке всей системы верований, изменению ценности представлений, связанных непосредственно или опосредованно с первичными верованиями. Верования типа В не зависят от того, разделяются они другими или нет. Верования типа С не являются первичными, они производны от верований А. К типу С Рокич относит веру в авторитеты. По сути, они представляют собой рационализацию базовых верований (тип А) и помогают личности реалистически и рационально “оформить” (round out) свою картину мира [16, с. 9]. Доверие к авторитетам обуславливает усвоение “производных” верований, относящихся к типу D. Представления этого типа не являются результатом непосредственного столкновения с объектами. Они являют собой феномены институционализированной идеологии и, наряду с референтными группами, обеспечивают чувство групповой идентичности [16, с. 11]. Верования типа Е относятся Рокичем к “непоследовательным”, “маловажным”. Они, как и первичные верования, являются результатом непосредственного столкновения с действительностью, но не имеют существенного значения для всей системы представлений. Отсюда, в частности, следует, что “центральные” представления наиболее тесно связаны с другими представлениями и выполняют структурообразующую функцию в повседневных идеологиях. “Периферийные” представления связаны с центром опосредованно, через другие переменные, и часто имеют эпифеноменальную природу. Поэтому в “центре” системы могут быть как “первичные”, но и “вторичные” представления, транслируемые в качестве институционализированных идеологий. Положение представлений в системе изменяется в разных социальных, временных и региональных условиях. Это значит, что социологический диагноз ситуации предполагает не только характеристику содержания идеологических представлений, но и объяснение структуры повседневной идеологии в данном месте в данный период времени.

В опросах 1990-1991 годов роль своеобразного посредника между различными представлениями, а также представлениями и объективными характеристиками, играли политические взгляды и оценки. Именно они были “ведущими” по отношению к различного рода социально-экономическим представлениям. На основании политических представлений можно было с большей вероятностью судить об ориентациях в сфере распределения, отношении к различным видам собственности. И, наоборот, данные о социально-экономических представлениях не позволяли сделать достаточно надежный

вывод об отношении к политической власти. Политические представления тогда связывались, скорее, с более абстрактными и терминальными ценностями, чем с более частными и конкретными [17, с. 68-73]. Если учесть явную нелегитимность политической власти, фиксируемую массовыми опросами, то можно предположить, что именно падение авторитета Коммунистической партии явилось решающим фактором девальвации идей социализма вообще и социалистических представлений в частности. Разрушение обыденной социалистической идеологии началось с отказа от "идеи социализма", выраженной в пропагандистской терминологии и воспринятой в свое время как символическая культурная форма, степень усвоения которой соответствовала авторитетности передающего института. Социалистические идеи, транслируемые Коммунистической партией как "теории" социализма, трансформировались обыденным сознанием и воспринимались в соответствии с теми "первичными" представлениями, которые формировались в процессе непосредственной жизнедеятельности и поддерживались "другими" (тип А в терминологии Рокича). "Специализированные" теоретические (в частности, научные) представления, становясь фактом обыденного сознания, вводятся в привычный контекст, становятся "своими", привычными и конкретизируются. И в этом своем виде они демонстрируют не только сопротивляемость "внешнему" воздействию, но и устойчивость, "живучесть", несмотря на то, что "авторитет", благодаря которому они были инкорпорированы в относительно целостную идеологию, развенчан. Более того, "размывается" сама идеология, а представления, конкретизирующие абстрактную идею (в частности, "идею социализма") продолжают функционировать и приобретают относительно самостоятельное значение, выступают в качестве основы оценок и ориентаций. Разрушение сложившейся повседневной идеологии означает как бы "размыкание" общих представлений, являющихся вторичными и относительно неустойчивыми, и представлений "первичных", более конкретных и устойчивых. Системообразующая идея, играющая до этого роль своеобразного стержня, может переместиться на "периферию" системы, либо вообще потерять свое значение. Совокупность функционирующих первичных представлений характеризуется аморфностью, а сами представления принимают характер стереотипов, обеспечивающих ту или иную степень адаптации к социальному окружению.

Делегитимация Коммунистической партии – своеобразного культурного института, обеспечивающего социализацию, привела к делегитимации общественного строя, который обозначался как "социалистический" и идентифицировался с партией. Уже летом 1989 г. большинство опрошенных одесситов возлагали ответственность за нарушение справедливости в обществе на партийные и советские органы и на "само общественное устройство" (27% и 30% соответственно). Отказ от идеи социализма четко обозначился уже в 1993 г. и сохранял устойчивость до 1998 г. (табл. 1).

Перестройкой структуры повседневной идеологии объясняются и так называемые "парадоксы сознания": принятие идей рыночной экономики и неприятие предпринимателей, банкиров, менеджеров, торговцев; декларирование приверженности правопорядку и законности и одновременно признание возможности нарушить закон "для пользы дела".

Таблица 1

Представления о высших ценностях жителей Одессы и Одесской области, %

Что наполняет вашу жизнь смыслом, является высшей ценностью?	август 1993 Одесса	январь 1996 Одесса	январь 1998 Одесса	январь 1996 Одесская область	январь 1998 Одесская область*
Идеи социализма, коммунизма	5	3	5	7	6
Возможности, предоставляемые обществом капиталистического предпринимательства	6	5	4	3	3
Национальная идея (возрождение украинской нации, ее культуры, языка)	6	2	2	2	5
Идеи и ценности религии	7	5	5	5	5
Высшая ценность – это права, достоинство человека	27	11	26	9	19
Благополучие семьи, детей	42	43	59	40	57
Возможность участвовать в решении вопросов - что и как должно делаться в стране, городе, на работе	4	3	4	4	4
Сейчас не до высоких идей. Теперь главное – выжить, сохранить более или менее приличный уровень жизни	32	29	29	35	27

* Исследование проведено Одесским фондом социальных исследований.

Массовые обследования показывают, что население поддерживает экономику свободного рынка лишь на уровне общих постулатов. Но прорыночная идеология еще не свидетельствует “о реальном усвоении населением рыночных принципов распределения. Это касается прежде всего изменения взглядов на причины бедности и богатства, возможности продвижения, роль государства в распределительных отношениях” [18, с. 41]. Личные качества, которые способствуют приобретению богатства, в массовом сознании, как правило, связываются с качествами отрицательными: нечестностью, коррупционностью и т.п. В проведенных нами опросах “успех в жизни” совершенно определенно сопряжен с такими качествами, как “нечестность” и “хитрость”. С 1989 по 1998 годы не изменились и представления о справедливости общества (табл. 2). Общество, еще именуемое “социалистическим”, считается несправедливым, идеи социализма и коммунизма не разделяются, декларируется приверженность рынку. И одновременно население отрицательно относится к богатым, предпочитает советскую систему социальных гарантий, не обнаруживает стремления к индивидуальным достижениям. Как правило, такого рода противоречия относят к пережиткам социалистической идеологии. Существует, однако, и иная точка зрения.

Таблица 2

Мнение о справедливости общества, Одесская область, %

Считаете ли вы наше общество справедливым?	август 1989	январь 1998
Да	3	3
Нет	80	82
Затрудняюсь ответить	17	15

По мнению Л.А. Седова, «социализм в нашей стране реально не изжит. Не вполне изжит он и в головах людей, а это именно то место, где, по утверждению классика, происходит главная разруха» [19, с. 15]. Более радикальное объяснение противоречий сознания дают Л.Д. Гудков и М.В. Пчелина, указывая на парадокс, который обнаруживается при ответе на вопрос «Что нужно сейчас России – демократия или порядок». Люди вроде бы осуждают прежний тоталитарный режим, но в то же время не жалуют и демократию, преимущественно высказываясь за порядок. По мнению авторов, речь идет о структурных проявлениях постсоветского общества, «его антропологических характеристиках, среди которых одной из важнейших является социальная зависть» [20, с. 41]. Зависть в данном случае рассматривается как «система интернализированных социальных норм и ожиданий, воспроизводящих вполне конкретные представления о социальном порядке...»; это зависть «... не просто к кому-то, ... а механизм неортодоксальной блокировки принятия любых форм социального неравенства помимо жесткой иерархии, подавления достижительности...» [20, с. 41].

Можно усомниться к корректности постановки вопроса «порядок или демократия». Имея в виду распределение ответов на этот же вопрос (74-78% россиян выбирают порядок) Л.А. Седов отмечает, что социальный заказ на сильного лидера обусловлен также представлением о том, «кто способен обеспечить порядок в насквозь коррумпированной, криминализованной и плохо управляемой стране» [19, с. 17]. По данным обследования в Одессе, еще в 1989 г. «развитие демократии» как средство борьбы против несправедливости набирало в 2-2,5 раза меньше голосов, чем «укрепление порядка и дисциплины». При этом относительная «непопулярность» демократии соотнеслась с тем, что 82% одесситов были согласны с суждением: «В справедливом обществе каждый может участвовать в обсуждении, выработке и принятии решений по важнейшим вопросам». Тогда несоответствие объяснялось нами различием абстрактных ценностей-идеалов и инструментальных представлений о конкретных способах деятельности. Действительно, несоответствие абстрактных представлений и «практических суждений» фиксируется и в различных социально-политических и экономических условиях. Например, люди, называющие себя консерваторами, обнаруживают либеральные взгляды на решения конкретных проблем и, наоборот, назвавшиеся либералами демонстрируют консерватизм. Однако причины подобной раздвоенности массового сознания лежат в структуре повседневных идеологий. Речь идет о неоднозначном взаимодействии и различных типов верований. Абстрактные понятия «капитализм», «социализм», «частная собственность», «либерализм»,

“консерватизм”, “богатство”, “бедность”, “демократия” и т.п., а также производные верования, транслируемые “авторитетами”, наполняются иным смыслом при столкновении с “первичными” верованиями. Понятие “социализм”, как и понятие “демократия” функционировали в обыденном сознании как термины, имеющие разные, порой противоположные смыслы. Уже в первые годы перестройки эти понятия перестали играть формообразующую роль в системе повседневных представлений. Идея социализма постепенно вытеснялась идеей “рынка”. Связанные с этой идеей представления также носили характер “вторичных” верований, т.к. были восприняты от авторитетных в тот период реформаторов. Идея рынка не была укоренена в обыденном сознании первичными верованиями, но она достаточно органично стыковалась с теми из них, которые до этого олицетворяли “социализм с человеческим лицом”, “гуманный социализм” и т.д. Более того, она была подготовлена предшествующей трансформацией социалистических представлений. Р.В. Рывкина приводит результаты опроса городской интеллигенции в 1988 г. в Барнауле. Отмечая наиболее важные черты социализма, лишь немногие респонденты отнесли к ним “государственную собственность на средства производства”, “социальную однородность” и “постепенное отмирание государства”. В распределении доминировали позиции “создание условий для гармонического развития личности”, “социальная справедливость”, “гарантированная занятость”, “распределение по труду” [21, с. 124]. Эти “характеристики социализма” вполне вписываются и в так называемую “рыночную идеологию”, которую население не отождествляет с капитализмом. “Капитализм” как формирующая повседневную идеологию идея не утвердился в обыденном сознании. Подобное отторжение неправомерно объяснять пережитками тоталитарного прошлого. При анализе “посткоммунистической ментальности” следует учитывать стремление людей к стабильным социальным ценностям. Л. Коларска-Бобинска имеет основания считать, что одобрение сильного лидерства является результатом тоски по авторитаризму, а желания сделать ясной картину мира. Недемократические настроения, по ее мнению, вызываются чувствами беспокойства, неустойчивости и неизвестности, которые возникают в моменты политического кризиса [22, с. 79]. Фиксируемая в опросах “недемократичность” населения, стремление иметь сильного лидера объясняются также процессом ресоциализации в период радикальных трансформаций. Такие трансформации П. Бергер и Т. Лукман называют альтернативами. Они сопровождаются “ресоциализацией” особого типа и отличаются от обычной вторичной социализации тем, что последняя не предполагает интенсивной эмоциональной включенности, характерной для первичной социализации. При альтернативе необходимо произвести демонтаж реальности, коренным образом изменить картину мира. Такая ресоциализация “неизбежно копирует детский опыт эмоциональной зависимости от значимых других. Эти значимые другие являются вожатыми по новой реальности” [2, с. 255].

Е.И. Головаха и его коллеги установили, что под демократией население имеет в виду свободу личности, действий, слова, совести передвижения и т.д. (60%), народовластие, участие граждан в управлении (19%) и практически не связывают с этим понятием “порядок и дисциплину” (3%) [22, с. 102]. По-

этому, если исходить не из книжного понимания демократии, а из повседневных представлений, в восприятии населением демократии противоречия нет. К аналогичному заключению приходит Л.А. Седов, обративший внимание на следующее противоречие: "Люди вроде бы за увеличение частного сектора, но против приватизации". Так, за увеличение доли частного сектора в бизнесе и в промышленности высказалось 45% , а против – 27%. На вопрос о приватизации государственных предприятий последовало 35% положительных ответов и 51% отрицательных. Л.А. Седов квалифицирует данное противоречие как кажущееся. По его мнению, для большинства людей неприемлемы не рынок и частная собственность как таковые, а те формы, которые рыночные реформы приобрели в России [19, с. 16].

В обыденном сознании постсоветского периода латентно присутствует идея-ценность, имеющая характер "символического универсума", структурирующего повседневную идеологию. Такой идеей является идея труда, обеспечивающего благосостояние. Различные виды деятельности и получаемый от них доход, социальные позиции и обусловленные ими жизненные стили оцениваются в зависимости от того, что считают трудом и что относят к заработанным благам. Признание ценности труда не обязательно связано с уравнительностью. В 1989-1991 годах распределительные ориентации характеризовались исключительным постоянством: на первом месте находилась "возможность реализации способностей", на втором – зависимость благосостояния только от трудового вклада. Уравнительная ориентация – "отсутствие существенных различий в уровне жизни" – неизменно находилась на последнем месте [24, с. 69]. Опираясь на данные исследований социальной справедливости, Н.Ф. Наумова отмечает, что трудовая интерпретация справедливости остается ведущим элементом системы, труд как ценность остается самым активным элементом и в подсистеме ценностей. При этом "равенство возможностей" оказывается более значимым, чем "реальное равенство" [25, с. 15].

О распространенности ценности труда и распределения по труду свидетельствуют сравнительные исследования, проведенные в России и Эстонии в 1990-1992 годах. Установлено, что в России опрошенные поддерживают идею справедливого неравенства при условии равных возможностей добиться успеха [26, с. 21]. Авторы исследования рассматривают распространенность принципа распределения по труду как признак идеологии социализма. Однако идея труда как основы благосостояния соответствует и ценностям современного рационального капитализма, идеология которого в значительной степени строится на принципе "равных возможностей".

Идею ценности труда и "заработанного благосостояния" можно отнести к тем явлениям, которые Н.Н. Козлова называет "самоочевидностями сознания". Это присущие обыденному сознанию "длительно действующие формализмы", его "культурно-историческая онтология", определяющая "скрытый за содержанием план действий сознания, фиксируемый в обыденном языке, в механизмах восприятия" [27, с. 40]. Идеи, которые вошли в сознание поколения, в последующем могут стать бессознательными, самоочевидными предпосылками деятельности. Такой идеей является идея труда и его справедливого вознаграждения. Невостребованность результатов труда – болезнь

общества, которая не может быть оправдана в массовом сознании. Оценки возможностей обнаруживают заметную отрицательную динамику (табл. 3).

Таблица 3

Мнения жителей Одесской области об имеющихся у них возможностях в 1996 и 1998 годах, %

По сравнению тем, что было несколько лет назад, у вас в настоящее время больше или меньше возможностей:	Больше		Столько же		Меньше		Затрудняются ответить	
	1996	1998	1996	1998	1996	1998	1996	1998
Заработать	27	17	8	11	47	63	18	9
Реализовать свои умения, знания, способности	18	13	16	17	41	60	26	10
Проявить самостоятельность, инициативу	18	13	16	20	31	42	29	17

“Рыночная идея”, преобразованная в соответствии с обыденным представлением о “трудовом благосостоянии”, может полностью потерять свое значение. Польские социологи показали, что относительно высокая степень одобрения реформ, сочетающаяся с пассивностью и апатией населения, объясняется в значительной степени тем, что в первый период люди руководствовались скорее ценностями, чем интересами, “интересы же существовали как бы “помимо” этого, либо не были выражены вообще” [22, с. 131]. Существование же идей, оторванных от интересов, приводит к тому, что идеи перестают играть мотивирующую роль, иметь какое-либо практическое значение.

Идеи и интересы

Рассматривая взаимоотношение идеи и интереса, К. Маркс и Ф. Энгельс писали, что всякий добивающийся исторического признания интерес первоначально далеко выходит в идею и представлении за свои действительные границы. Это несоответствие и обуславливает неудачу революционных преобразований. Последние неудачны “потому, что для самой многочисленной части массы, части, отличной от буржуазии, принцип революции не был ее действительным интересом, не был ее собственным революционным принципом, а был только “идеей”, следовательно только предметом временного энтузиазма и только кажущегося подъема” [28, с. 89]. “Собственный интерес” основной массы населения, способствующий принятию идеи рынка, противоречил интересу, на базе которого осуществлялись реальные рыночные преобразования в постсоветском обществе. Вторичные, производные представления (созданные идеологами реформирования) вступали в противоречия с первичными, базовыми ценностями. Этим объясняется быстрое разочарование населения в идее рыночного хозяйства. Резкое падение популярности рыночных реформ отмечалось зимой 1993-1994 года [29, с. 95]. В

Одесской области изменение соотношения противников и сторонников рынка впервые зафиксировано в январе 1996 года (табл. 4). В начале 1992 г. резко уменьшилась доля тех, кто считал, что переходить к рынку нужно "быстро и решительно". В январе 1996 г. доля противников реформ впервые превысила долю сторонников. В 1998 г. доля сторонников реформ опять стала выше числа противников, но за счет тех, кто считает, что к рыночной экономике следует продвигаться более осторожно.

Таблица 4

Оценка населением Одесской области перехода к рыночной экономике, %

<i>Как следует переходить к рыночной экономике?</i>	Октябрь 1991	Март 1992	Июнь 1994	Январь 1996	Январь 1998
Быстро и решительно	47	26	26	19	18
Медленно и осторожно	21	22	23	11	29
Лучше вернуться к тому, что было раньше	10	29	43	41	26
Затрудняюсь ответить	22	23	17	29	27

В отличие от области в целом, в Одессе доля сторонников рынка всегда превышала долю противников. Объяснить изменение отношения к рынку, так же, как и непопулярность "демократии", можно, лишь обращаясь к повседневным интересам людей, формирующимся в процессе их повседневной жизнедеятельности.

Различие ценностей-идей и потребностей-интересов определяется разной природой двух видов человеческого опыта: культурного опыта предшествующих поколений, передаваемого интеллектуалами, владеющими языками культуры, и опыта "индивидуального". Обучение языкам культуры является неотъемлемым компонентом процесса социализации личности и означает одновременно формирование сознания и самосознания личности, которое имеет ценностный характер. Именно культурный опыт обуславливает содержание "образа Я", который обеспечивает самоидентификацию субъекта, его избирательность в восприятии окружающей среды и выборе действия. "Идеологизм" индивидуального сознания коренится в "самоописании", "самонаблюдении", "самореференции", латентно присутствующих в любом познавательном акте. Характеризуя "самореференцию" как идеологию, Н. Луман отмечает, что в немецком идеализме концепция "Я" была ориентирована на разум и из поля зрения выпало "социальное измерение". "Проблема парадокса была соотнесена с познанием, — пишет он, — а не с обществом, и соответственно разработка теории была ориентирована скорее на религиозную или эстетическую перспективу, возможно и на перспективу теории образования, но не на вопросы хозяйства и политики" [5, с. 197].

Потребности и интересы формируются в процессе совместной предметно-вещественной деятельности людей. Индивидуальный практический опыт в конечном счете играет решающую роль не только в генезисе тех или иных идеологий, но и в их усвоении, изменении значений, соответствующих различным культурным формам и картинам мира. Ориентация на индивидуаль-

ный жизненный опыт, с одной стороны, и техническую рациональность – с другой может быть представлена в качестве принципиального различия между мировоззрением Востока и Запада. А.А. Ицхокин считает, что для Востока характерно переживание значимых качеств объекта, эмоциональная объективность, культивирование ценности мира объектов в их жизненной практической значимости. Для западного человека типично освобождение от эмоциональной вовлеченности в мир объектов, “отчужденность” от него, вовлечение “в абстрактные идеи нормативной природы, то есть идеи, претендующие на различие между “правильным” и “неправильным”, “хорошим” и “плохим” и т.д.” [30, с. 91]. А.А. Ицхокин опирается на работу Ф. Нортропа, который характеризовал Восток как “эстетическую цивилизацию”, рассматривая “суть эстетического отношения к миру как вовлеченность субъекта в объект в его “данности”, или собственной ценности, в отличие от вовлеченности в абстракции, в том числе называемые “социальными ценностями”, как на Западе” [30, с. 88]. Идеология как таковая (в отличие от мифологии) – это опосредованное идеей-нормой отношение к миру. С такого рода отношением связана и легитимность. Для Востока и для России, по мнению А.А. Ицхокина, характерно признание “собственной, внутренней, имманентной ценности” земной власти. “Для Запада самооценочность власти невозможна – она признается именно и только в меру ее “легитимности”, нормативного оправдания, доказательства права на нее...” [30, с. 89].

Было бы неверно ограничивать значимость данного различия дилеммой Восток-Запад. Различные отношения к миру сосуществуют во всех обществах и социальных группах, на разных этапах общественного развития, в разных формах и уровнях сознания, но в разной степени. Так, более образованные люди, можно предположить, более склонны конструировать абстрактные картины мира. Например, респонденты с высшим образованием, ниже других оценивающие настоящее, более оптимистично смотрят в будущее и проявляют более высокую терпимость. “Идеально-нормативное” восприятие происходящего в большей степени характерно для молодых людей, чем для людей зрелого возраста. По нашим данным, восприятие рыночных реалий выпускниками школ существенно отличается не только от восприятия их населением в целом, но и от представлений молодых людей, которые уже начали самостоятельную жизнь. По данным опросов 1996 г., индекс ориентации на “собственное дело” у выпускников школ, молодежи от 18 до 30 лет и населения г. Одессы в целом соответственно составляет 80, 24 и 18 пунктов по стопунктовой шкале.

Социальная практика и судьба социалистической идеологии

“Народный социализм” в послереволюционной России, а затем в Советском Союзе был относительно самостоятельным культурно-идеологическим комплексом. Он существенно отличался от “марксистской идеологии” и менялся на разных этапах развития советского государства. Агрессивно-уравнительный характер он имел преимущественно в период революции и первые годы советской власти. В дальнейшем “народный социализм” приобрел иные культурные формы, характеризовался иной семантикой. Идея социализма стала обыденной доктриной выживания, которая представляла

собой комплекс распределительных представлений, норм взаимоотношений, правил личного поведения. Эта техника выживания, связанная с раскрестьяниванием и формированием "нового рабочего класса", способствовала восприятию идей социализма, содержащихся в официальной идеологии, трансформировав их в "народный социализм". Она же обусловила и персонификацию этих идей, связав их с именами вождей, авторитет которых явился важным скрепляющим фактором и необходимым условием восприятия и усвоения "вторичных" идей в условиях радикальных социальных преобразований. Усвоению идей социализма, являющимися "вторичными", "производными", способствовал и рост "культурности" значительной массы населения, выступавшей как императив "обыденной повседневной жизни" в 30-е годы. [31, с. 194]. Идеи социализма утверждались во многом потому, что изменения в повседневной жизни воспринимались как улучшение и преимущества по сравнению с каждым предшествующим периодом. Непосредственный жизненный опыт подтверждал преимущества социализма и таким образом доктрина социализма поддерживалась в повседневном сознании, несмотря на ироническое отношение ко многим официальным требованиям. Этим объясняется, в частности, совмещение личных и общественных интересов, идентификация с большими общностями, со страной в целом. В 70-е годы данные обследования работников судоремонтных заводов показали, что о "социалистических обязательствах" никто не помнил, — это был "официоз", который не принимали близко к сердцу; но большинство предложений и пожеланий в конце анкеты относилось к общественно-производственным, а не к бытовым проблемам. Людей заботила бесхозяйственность, которая наносит ущерб обществу и трудовому коллективу, плохая организация труда, неэффективное использование техники. Речь шла скорее о коллективных, чем об общественно-государственных интересах. В этот период уже обозначилась прагматизация жизни, возрастание интереса к материальным стимулам. Кризис середины 70-х годов "повлек за собой ценностные сдвиги, эрозию идеологических структур, ослабление или даже утрату значимости советских символов и другие последствия, сделавшие систему частично невозпроизводимой", — пишет Л.Д. Гудков [32, с. 17].

Значительные сдвиги в повседневной социалистической идеологии произошли раньше — в период критики культа личности Сталина. Идея социализма была слита с именем Сталина и эта персонификация обуславливала тотальный характер "народного социализма". Развенчание Сталина привело не только к постепенной делегитимации власти, но и к изменению идеологии социализма, который с этого времени был ориентирован на личные интересы, ценности частной повседневной жизни. Социалистические представления в этот период органично увязываются с "самоочевидным" представлением о том, что общество должно предоставить человеку возможность проявить себя и обеспечить личное благополучие — "от каждого по способностям, каждому по труду". Вполне отчетливо обозначилось понимание равенства как равенства возможностей, заработанная честным путем зажиточная жизнь вполне укладывалась в представления о социализме. Пропаганда продолжала акцентировать преобладание государственно-общественных интересов над личными, но такого рода лозунги воспринимались как камуфляж рестру-

ктурирования повседневной идеологии и изменения идеи социализма. Повышение значимости умственного и квалифицированного труда, рост уровня жизни и другие перемены сопровождалась ростом запросов населения, на который повлияли также распространение теневой экономики появление новых форм “зажиточной” жизни, расширение коммуникации с капиталистическими странами. Технология выживания сменилась технологией достижения комфорта и благополучия. Это и был тот фактор, который существенным образом реструктурировал повседневную идеологию. Эти перемены не привели к отказу от самой идеи социализма и “социалистических ценностей”. Последние изменили свое место в системе обыденных представлений. Так или иначе, культурные формы, в которых утверждался социализм, связаны с практической жизнедеятельностью людей и формирующимися на ее основе интересами.

Достаточно ли обоснованны утверждения о том, что в настоящее время в обыденном сознании происходит возврат к социалистической идеологии? Голосование многих людей за Коммунистическую партию свидетельствует не о возрождении идей социализма или коммунизма, поскольку мотивы такого выбора практически не связаны с идейной платформой Компартии, доктринальной стороной ее деятельности. Компартия, которая в советское время была не только политическим, но и культурным институтом, является символом технологии выживания, силой, обеспечивающей “онтологическую безопасность” в трудные времена. Все отрицательное, что было связано с прежней деятельностью коммунистов, забывается, а прошлое перетолковывается в соответствии с задачами сегодняшнего дня. “В ресоциализации, – пишут П. Бергер и Т. Лукман, – прошлое перетолковывается для того, чтобы оно соответствовало нынешней реальности, в прошлое переносятся разные элементы, которые субъективно в нем отсутствовали. Во вторичной социализации настоящее интерпретируется так, чтобы оно находилось в последовательном взаимоотношении с прошлым... Иными словами, реальным основанием ресоциализации является настоящее, а для вторичной социализации – прошлое” [2, с. 263].

Повседневное сознание “постсоветских” людей можно отнести к так называемому “вырожденному” случаю идеологии – оно не представляет собой сколько-нибудь целостного образования. Это, в частности, находит выражение в особенностях социальной идентификации: люди преимущественно идентифицируют себя с группами “повседневных практик” (прежде всего с семьей и “близкими”), а не с “конструируемыми общностями”. В идентификационной стратегии преобладает “приспособление к условиям жизни ради элементарного выживания” [33, с. 15, 17]. Однако “культурное оформление” техники выживания существенно отличается от его советского варианта: отсутствует значимая “одухотворяющая” идея, которая бы консолидировала общество и порождала надежду на лучшее будущее; нет “авторитета”, которому бы доверяли и на действия которого могли бы рассчитывать. Восприятие условий жизни ухудшается. Можно ставить под вопрос адекватность оценок, однако несомненно, что эти оценки – важная составляющая повседневной идеологии. Обыденные представления – нормальная, здоровая реакция на происходящее. Это не только реакция на порочную практику реформирования, но и отторжение той идеологии, которую пытаются навязать

активные “носители” общественного строя, все чаще именуемого “олигархическим”. Рыночное хозяйство с многообразными видами трудовой деятельности, результаты которой востребованы обществом, вот то “поле”, на котором могут ужиться обыденное представление о ценности труда и заработанного благосостояния и идеология предпринимательства, основанного на частной собственности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аберкромби Н., Хилл С., Тернер С.* Социологический словарь. Казань: Изд-во Казанского университета, 1997.
2. *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности / Пер. с англ. Е.Д. Руткевич. М.: Academia-Центр, Медиум, 1955.
3. *Манхейм К.* Идеология и утопия // Манхейм К. Диагноз нашего времени / Пер. нем. и англ.; Отв. ред. и сост. Я.М. Бергер и др. М.: Юрист, 1994.
4. *Энгельс Ф.* Письмо Ф.Мерингу // Маркс К, Энгельс Ф. Соч. Т. 39. М.: Госполитиздат, 1955.
5. *Луман Н.* Тавтология и парадокс в самоописаниях современного общества // Социо-Логос. Вып. 1. М.: Прогресс, 1991.
6. *Маркс К, Энгельс Ф.* Ницета философии // Маркс К, Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 4. М.: Госполитиздат, 1955.
7. *Маркс К, Энгельс Ф.* Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // Маркс К, Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 8. М.: Госполитиздат, 1957.
8. *Ионин Л.Г.* Социология культуры. М.: Логос, 1996.
9. *Бергер П.* Общество в человеке / Пер. с англ. О.А. Оберемко // Социологический журнал. 1995. № 1.
10. *Штаерман Е.М.* Социальные основы религии древнего Рима. М.: Наука, 1987. С. 214.
11. *Ковельман А.Б.* Риторика в тени пирамид: Массовое сознание Римского Египта. М.: Наука, 1988. С. 13.
12. *Гуревич А.Я.* Проблемы средневековой народной культуры. М.: Искусство, 1981.
13. *Левада Ю.А.* Возвращаясь к феномену “человека советского”: проблема методологии анализа // Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения: Информационный бюллетень. 1995. № 6.
14. *Фестингер Л.* Введение в теорию диссонанса // Современная зарубежная социальная психология: Тексты. М.: Изд-во Московского университета, 1984.
15. *Личковська О.Р.* Інформаційність у системі повсякденних уявлень (Теоретичний аспект дослідження): Автореферат дисертації на здобуття наукового ступеня кандидата соціологічних наук. Харків, 1996
16. *Rokeach M.* Beliefs, attitudes and values: Theory of organization and change. San Francisco: Jossey-Bass Inc., 1972.
17. *Попова И.М.* Социальные представления в обыденном сознании // Социологические исследования. 1991. № 11.
18. *Хахулина Л.А., Стивенсон С.А.* Неравенство и справедливость // Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения: Информационный бюллетень. 1997. № 2.
19. *Седов Л.А.* В стране побежденного социализма // Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения: Информационный бюллетень. 1997. № 2.
20. *Гудков Л.Д., Пчелина М.В.* Бедность и зависть: негативный фон переходного общества // Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения: Информационный бюллетень. 1995. № 6.

21. Рывкина Р.В. Между социализмом и рынком: Судьба экономической культуры в России. М.: Наука, 1994.
22. Kolarska-Bobinska L. Aspirations, values and interests: Poland 1989-1994. Warsaw: IFiS Publishers, 1994.
23. Головаха Е.И., Бекешикина И.Э., Небоженко В.С. Демократизация общества и развитие личности: От тоталитаризма к демократии. Киев: Наукова думка, 1992.
24. Попова И.М. Уравнительность – иллюзия массового сознания // Социологические исследования. 1992. № 3.
25. Наумова Н.Ф. Жизненная стратегия человека в переходном обществе // Социологический журнал. 1995. № 2.
26. Хахулина Л.А., Саар А., Стивенсон С.А. Представление о социальной справедливости в России и Эстонии: сравнительный анализ // Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения: Информационный бюллетень. 1996. № 6.
27. Козлова Н.Н. Социализм и сознание масс. М.: Наука, 1989.
28. Маркс К., Энгельс Ф. Святое семейство // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 2. М.: Госполитиздат, 1955.
29. Курпrianова З.В., Хибовская Е.А. Вторичная занятость как способ адаптации населения к экономическим реформам // Куда идет Россия: Альтернативы общественного развития. Вып. II. М.: Аспект-пресс, 1995.
30. Ицхокин А.А. Релятивистская теория социальной ценности и “свободная от ценности” теория социальной организации // Социологический журнал. 1995. № 3.
31. Волков В.В. Концепция культурности, 1935-1938 годы: советская цивилизация и повседневность сталинского времени // Социологический журнал. 1996. № 1/2.
32. Гудков Л. К социологии одного национального символа // Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения: Информационный бюллетень. 1997. № 5.
33. Данилова Е.Н. Проблема социальной идентификации в постсоветской России // Экономические и социальные перемены исследования: Мониторинг общественного мнения: Информационный бюллетень. 1997. № 3.

В классах российской школы: от массовизации – к росту отсева

В последние десятилетия в России наблюдается процесс массовизации образования. В массовом образовании участвуют все слои населения, независимо от их материального положения. Это приводит к тому, что в школах появляются дети из бедных семей, которые не могут обеспечить своим детям необходимые условия для обучения. В результате происходит отсев учащихся, которые не успевают по программе. Это приводит к тому, что в школах появляются дети из бедных семей, которые не могут обеспечить своим детям необходимые условия для обучения. В результате происходит отсев учащихся, которые не успевают по программе.